

К 265
А68
910
ору 1

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

„Спасите!“

(Обращеніе къ цивилизованному міру)

ЦѢНА 3 СЕНТА.

Книгоиздательство „Народоправство“
Нью-Йоркъ.

Андреев, Леонид Андреевич,
ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Spasite
„Спасите!“

(Обращение къ цивилизованному міру)

Книгоиздательство „Народоправство“
Нью-Йоркъ.

IK 265

A 68

1910

سید
رضا

50 10 14 48

Отношеніе союзныхъ правительствъ къ Россіи — или измѣна, или безуміе!

Или союзники знаютъ, кто эти большевики, которыхъ они приглашаютъ на Принцевы острова для заключенія мира съ истекающей кровью и умирающей Россіей, — и тогда это — простое предательство, отъ другихъ предательствъ, отличающееся только своими огромными размѣрами, но его цѣль сегодня та же самая, что и во времена Іуды:

Голгофа — для одинхъ, тридцать серебрянниковъ — для другихъ!

Или союзники — не знаютъ, кто такіе большевики, которыхъ они приглашаютъ на дружеское свиданіе, — и тогда это — безуміе! Безуміе, — потому что послѣ полутора лѣтъ царствованія большевиковъ въ Россіи, послѣ вспышекъ большевизма въ Германіи и въ другихъ странахъ, только безумецъ можетъ не видѣть и не понять всей силы зла и разрушенія, совершеннаго этими дикарями въ Европѣ, возставшими противъ ея культуры, ея законовъ и ея моральнаго кодекса.

Да, надо быть безумцемъ, чтобы не понимать простыхъ и ясныхъ дѣйствій большевизма!

Надо быть безъ глазъ, какъ слѣпые или имѣть глаза и ничего не видѣть, чтобы не замѣтить на лицѣ огромной, искалѣченной Россіи — убійствъ, разрушеній, кладбищъ, тюремъ, сумасшедшихъ домовъ, чтобы не видѣть, до чего голодъ и ужасъ до-

вели Петроградъ и — увы! — многіе другіе города...

Надо быть безъ ушей, быть глухимъ, или имѣть уши и не слышать рыданій, вздоховъ, плача женщинъ, раздирающаго крика дѣтей, хрипа душимыхъ людей и треска ружейныхъ выстрѣловъ палачей, всего того, что стало за послѣдніе полтора года единственной пѣснью Россіи!..

Надо совершенно не знать разницы между правдой и ложью, дозволеннымъ и недозволеннымъ, какъ не знаютъ этой разницы помѣшанные, чтобы не чувствовать смысла большевистскій сатурналии и постоянной ихъ лжи — то безжизненной и тупой, какъ бормотанье пьяницы — лжи ленинскихъ декретовъ, — то звонкой и напыщенной — лжи рѣчей обогрѣннаго кровью шута Троцкаго, то, наконецъ, лжи безхитростной и наивной, какъ ложь, которою обманываютъ маленькихъ дѣтей.

И еще: нужно быть совершенно безпамятнымъ, какъ беспомощные больные, лишившіеся разсудка, чтобы забыть запломбированный поѣздъ Ленина, чтобы забыть, что русскій большевизмъ вышелъ изъ утробы германскаго имперскаго банка и преступной души Вильгельма, чтобы забыть Брестъ-Литовскій миръ, задуманный нѣмецкими агентами, какъ послѣдняя возможность побѣды надъ союзниками. Надо быть совершенно безъ памяти, чтобы забыть Пруссію и Галицію, обогрѣнныя русской кровью, забыть Корнилова, Каледина, павшихъ жертвою долга и вѣрности союзникамъ, забыть ад-

мирала Щастнаго и Духонина, разрушенный Ярославль, молодыхъ юнкеровъ и студентовъ, которые пали, не теряя вѣры, въ Россію и въ васъ, дорогіе союзники, забыть эти тысячи русскихъ офицеровъ, которыхъ за эту же вѣру преслѣдовали, убивали, гнали какъ собакъ, которыхъ вы теперь — о, я знаю, вы дѣлаете это бзсознательно! — такъ жестоко оскорбляете своею мягкостью по отношенію къ ихъ убійцамъ и палачамъ.

И какъ верхъ забывчивости надо было забыть, что Вильгельмъ — германскій императоръ — собирался завтракать въ Парижѣ и, если это ему не удалось, а удалось Вильсону, то только потому, что Вильсонъ могъ безопасно переплыть два океана — океанъ Атлантическій и океанъ русской крови, пролитой въ защиту общаго дѣла союзниковъ.

И еще: надо быть совершенно лишеннымъ даже чувства порядочности, надо быть совершенно неспособнымъ отличать чистаго отъ грязнаго, какъ умалишенные, которые ѣдятъ обѣдки вмѣсто пищи, моются помоями, чтобы проглотить съ пріятной улыбкой всѣ оскорбленія, насмѣшки и пощечины, которыми большевики награждали представителей союзныхъ націй въ Петроградѣ.

Я не смѣю говорить о Вильсонѣ, который въ отвѣтъ на свою телеграмму, полную симпатіи къ молодому “сговорчивому” правительству, получилъ хлесткую пощечину отъ Зиновьева; не смѣю, пото-

му что христіанину и другу челоѣчества это могло только дать поводъ подставить другую щеку, — что и произошло на нашихъ глазахъ.

А нападеніе на великобританское посольство? А убійства тамъ? А прокламація, объявившая британскихъ поданныхъ внѣ закона?

Надо быть, наконецъ, дикаремъ, какъ сами большевики, надо быть морально искалѣченнымъ, чтобы имѣя уши и глаза, разсудокъ и волю, оставаться безстрастнымъ къ безчелоѣчному поведенію большевиковъ и называть его иными словами, чѣмъ преступленіе, убійство, ложь и разбой.

Надо быть совершенно лишеннымъ какихъ бы то ни было челоѣческихъ чувствъ или обладать нравственнымъ чувствомъ идіота или сумасшедшаго, чтобы при видѣ негодяя, насилующаго женщину, или при видѣ жестокой матери, мучающей ребенка, называть это “ихъ внутренними дѣлами” и не вмѣшиваться подъ предлогомъ, что подобныя дѣла, кѣмъ бы они не творились, называются “соціализмомъ” и “коммунизмомъ”.

Эти слова — священны для челоѣчества, они обладаютъ силою чаровать челоѣческую душу. Но когда злые скоморохи называютъ именемъ “передовой гвардіи китайской революціонной демократіи”, невѣжественныхъ и низкихъ наемныхъ убійць-китайцевъ, надо имѣть не живую, а мертвую душу, чтобы попасть въ такую жалкую и безстыдную ловушку. Да, именно безстыдную, ибо употребленіе желтыхъ наемныхъ убійць, чтобы вырѣзывать евро-

пейцевъ — вещь до сихъ поръ не слыханная въ аналахъ самыхъ страшныхъ европейскихъ тираній.

И жутко подумать, что Европа больше года всѣми своими глазами смотритъ на зрѣлище этихъ экзотическихъ звѣрей, терзающихъ наше сердце и до сихъ поръ все еще не можетъ опредѣлить, что это — “передовая гвардія демократіи”, или “передовая гвардія дьяволовъ”, выпущенныхъ изъ ада, чтобы разрушить нашу несчастную землю?.. Видятъ, и все же посылаютъ приглашеніе на Принцесы Острова!

Однако, никто не можетъ допустить, что великими державами управляютъ паціенты изъ Желтаго Дома. Ихъ знаютъ во всемъ мірѣ какъ энергичныхъ людей, проявившихъ такъ много здраваго смысла въ теченіе этой войны, и уваженіе, которое они заслужили даже у своихъ враговъ, дѣлаетъ самую мысль объ ихъ ненормальности не только бессмысленной и недопустимой, но даже оскорбительной.

Но нѣтъ, нѣтъ! — они не сумасшедшіе! Но если это не помѣшательство, то что же это?

Жизнь не всегда можно уложить въ рамки умолимой логики.

Вотъ предо мною портретъ Вильсона съ его широкой и откровенной улыбкой. Я вижу ту же улыбку на лицахъ его сотрудниковъ, и тѣмъ не менѣе мнѣ трудно повѣрить въ искренность этой успокоительной и безпечной улыбки.

Такъ ли ясна душа Вильсона, какъ его черты на портретѣ? Такъ ли спокойны и смѣлы мысли Ллойдъ Джорджа, какъ выраженіе его глазъ? Нѣтъ ли у нихъ тайнаго страха, колебаній, или безпокойной рѣшительности, происходящей отъ недостаточно ясныхъ расчетовъ? Если такъ, то нѣтъ необходимости объяснять случившееся простой измѣной!

Тогда не имѣемъ ли мы предъ собою вмѣсто классической и страшной фигуры Іуды, не менѣе классическую, но болѣе обыденную и общераспространенную фигуру Пилата, умывающаго руки?

Пилать зналъ, что Христосъ не виновенъ. Объ этомъ его предупредила его жена. Онъ не былъ ни безумцемъ, ни негодяемъ, онъ былъ только Пилатомъ и говоря: “Я не повиненъ въ крови этого человѣка!”, онъ умылъ свои руки и послалъ невиновнаго къ Каіафѣ. Каіафа послалъ его къ Аннѣ, а Анна послала его обратно къ Каіафѣ.

Это хожденіе Христа отъ одного судьи къ другому съ веревкой на шеѣ, не напоминаетъ ли оно посылку Россіи на Принцевы Острова?

— Иди же Россія, ты дойдешь до самаго креста!

Не повинны въ твоей крови Вильсонъ и Ллойдъ Джорджъ!

Развѣ весь міръ не видѣлъ, какъ они умывали свои руки?

Всѣ это видѣли и многіе даже услужливо поспѣшили поднести имъ полотенце!

Стоило ли только начинать партію такъ громко, чтобы кончить ее фальцетомъ Пилата? Къ чему было тогда оборонять нейтралитетъ Бельгіи, стать на защиту Сербіи, поставить на ноги миллионы людей, пролить цѣлый океанъ крови, угрожать Германіи страшнымъ судомъ за ея безчеловѣчность, плакать надъ Лувэномъ и Лузитаніей, призывать небо въ свидѣтели, пять лѣтъ подъ рядъ бить себя въ грудь передъ Богомъ челоуѣчества, и кончить умывальной чашкой!..

Міръ ждалъ побѣды союзниковъ, какъ ждуть пасхальнаго благоуѣста, какъ ждуть воскресенія мертвыхъ!

Этого ждали и сами мертвые — тѣ мертвые, цѣною жизни которыхъ куплена побѣда.

Люди вѣрили, что съ побѣдой этихъ благородныхъ джентельменовъ воцарится правосудіе на землѣ, что миръ установленный ими будетъ настоящимъ миромъ, а не началомъ новыхъ мукъ, убійствъ, огня и истребленія беззащитныхъ.

И когда зазвонили колокола побѣды надъ обогрениой кровью землей, сколько несчастныхъ людей увидѣли зарю надежды и счастья! Какъ почернѣли и перекосились отъ страха лица убійцъ передъ лицомъ восходящаго закона!

Это были дни волшебной сказки! Измученный и мрачный Петроградъ улыбался и вѣрилъ въ англичанъ, какъ въ Бога. Это былъ странный и счастливый сонъ, который можетъ привидѣться только мученикамъ, когда каждый выстрѣлъ казался вы-

стрѣломъ изъ англійскаго орудія, и всѣ бѣжали къ Невѣ, чтобы увидѣть “англійскій флотъ, который пришелъ ночью”.

И дрожали убійцы, — и достаточно было бы пугала, чтобы вся шайка этихъ Каиновъ въ паническомъ страхѣ обратилась въ бѣгство.

Вы обвиняете съ забавнымъ упрямствомъ Вильгельма, стараго, жалкаго, слабаго. Вы хотите судить его за грѣхи его народа и въ то же время протягиваете руку здоровымъ, молодымъ убійцамъ, чудовищамъ и ублюдкамъ, до сихъ поръ проливающимъ кровь невинныхъ! И убійца чувствуетъ, что ласкаютъ его руку и его ободряютъ!.. Онъ не думаетъ уже больше о бѣгствѣ. Онъ смѣется надъ вами. Онъ не боится уже больше даже живого англичанина, ибо принимаетъ его за пугало.

Война кончена! Больше не убиваютъ! Долой оружіе! Вотъ тѣ благословенныя слова, которыхъ люди ждали отъ союзниковъ, когда ихъ оружіе украсилось гирляндой побѣды, — и вмѣсто нихъ, этихъ словъ — струйка тепловатой гуманности, которою Вильсонъ поливаетъ горячіе угли!

И кровь! кровь! кровь!

Теперь, какъ и раньше раздаются выстрѣлы. Кто то беретъ, кто то сдаетъ города. Кто то избитъ и чье то горло перерѣзано. Что то разбито, что то уничтожено.

Со скоростью лѣснаго пожара, раздутаго ураганомъ распространяется безцѣльный кровавый

бунтъ, стелется подъ землю, вспыхиваетъ то здѣсь, то тамъ, разбрасывая искры по сухой травѣ. И усталая Европа, съ ея нервами, ослабленными пятью годами лишеній, еще не успокоившаяся отъ психическаго возбужденія, созданнаго войною, ея массаи, потерявшими душевное равновѣсіе, и легко поддающимся самымъ дикимъ внушеніямъ.

Европа безсильна оказывать сопротивленіе этому пожару. Нерѣшительность и двойная игра, которую играютъ “вожди міровой политики” мѣшаетъ имъ занять опредѣленную позицію, стать на ту или другую сторону и толкаетъ Европу въ смертельныя объятія бунта, который задушилъ уже революцію въ Россіи, душитъ ее въ Германіи и завтра, если не сегодня, пролетитъ надъ Европой, а потомъ и надъ Америкой, неся съ собою рѣзню и грабежи и войну всѣхъ противъ всѣхъ.

Сегодня Берлинъ безъ электричества. Завтра въ Лондонѣ не будетъ угля. Еще нѣсколько недѣль и можетъ быть станутъ всѣ желѣзныя дороги. Нагруженные хлѣбомъ суда будутъ задержаны въ портахъ и костлявый голодъ воцарится надъ Европой и смететъ правыхъ и виноватыхъ.

Такъ судьба отомститъ за нарушеніе обѣтовъ, данныхъ союзниками передъ Богомъ человѣчества!

Но не къ правительствамъ Согласія, которыя уже сказали свое обидное слово, не къ нимъ обращена моя мольба: “Спасите насъ!” Не къ тѣмъ, что нарушили обѣтъ, а къ вамъ, люди Европы, въ

чье благородство я вѣрю сегодня, также какъ я вѣрилъ вчера.

Какъ телеграфистъ на тонущемъ суднѣ посылаетъ ночью, когда вокругъ мракъ, послѣдній призывъ: “На помощь! Скорѣе! Мы тонемъ! Спасите!” — такъ и я, движимый вѣрою въ доброту человѣка, бросаю въ пространство и мракъ свою мольбу о тонущихъ людяхъ.

Если бы только знали, какъ черна ночь вокругъ! Если бы слова мои могли описать всю густоту этого мрака!

Но кого я зову? Я не знаю!

Развѣ знаетъ телеграфистъ, кого онъ зоветъ? На тысячу верстъ кругомъ можетъ быть море пустынно и ни одна живая душа не услышитъ призыва!

Ночь темна... Можетъ быть, кто-нибудь далеко слышитъ этотъ призывъ и думаетъ: “Зачѣмъ мнѣ идти туда? Я тоже могу погибнуть!” И продолжаетъ свой путь...

Ночь темна... И страшно море! Но телеграфистъ вѣритъ и упрямо зоветъ, зоветъ до послѣдней минуты, пока не потухнетъ послѣдній огонь и не замолчитъ навсегда его беспроволочный телеграфъ.

Во что онъ вѣритъ? — Онъ вѣритъ въ человечество, также какъ и я! Онъ вѣритъ въ законъ человѣческой любви и жизни!

Не можетъ быть, чтобы одинъ человѣкъ не помогъ другому, когда тотъ погибаетъ! Не можетъ быть, чтобы одинъ человѣкъ предалъ другого смер-

ти, безъ помощи, безъ попытки помочь! Не можетъ быть, чтобы призывъ на помощь остался безъ отвѣта!

Кто нибудь долженъ придти! Я не знаю его имени, но я вижу, какъ ясновидецъ его черты, его душу родственную.

Я чувствую какъ желаніе помочь напрягаетъ его мускулы, обостряетъ его зрѣніе, освѣщаетъ путь его быстрому, рѣшительному разуму.

Я не для русскаго народа молю о помощи. Спасти русскій народъ слишкомъ великая задача. Только Богъ властенъ надъ жизнью и смертью его!

Въ эти печальные дни, когда презрѣніе и смѣхъ дураковъ стали удѣломъ великой и въ грязь затоптанной Россіи, я съ гордостью ношу имя русскаго и твердо вѣрю въ будущее и славу Россіи. Такіе великаны, какъ русскій народъ, не могутъ погибнуть!

И придутъ ли союзныя правительства на помощь Россіи или предоставятъ ей самой выбратъся изъ гніющаго болота, все равно — въ назначенный часъ Россія возстанетъ изъ своего гроба, выйдетъ на путь свѣта и по праву займетъ свое мѣсто среди великихъ народовъ міра.

Но то, что страшно для насъ, смертныхъ людей, чья жизнь длится лишь моментъ, для безсмертнаго и великаго народа не больше, чѣмъ одно біеніе сердца.

Сотни тысячъ мертвыхъ, нѣсколько лѣтъ стра-

даній, что это для Россіи съ ея огромной, неизмѣримой судьбою?

Нѣтъ, не помощи для Россіи я прошу у тебя, человѣкъ, котораго я жду!

Но подумай объ этихъ тысячахъ людей, у которыхъ только одна жизнь, жизнь, длящаяся одно мгновеніе, и которые умираютъ въ невыносимыхъ страданіяхъ, или живутъ, но жизнью худшею, чѣмъ смерть.

Неважно, что они носятъ имя русскихъ, но важно то, что эти человѣческія существа, страдаютъ безъ проблеска свѣта, какъ если бы они были въ самомъ аду, откуда нѣтъ возврата и гдѣ силы зла и ужаса неограниченно царятъ надо всѣмъ.

Ихъ страданіямъ можно еще положить предѣлъ, ихъ шеи можно еще освободить изъ когтей смерти. Объ ихъ спасеніи я молю человѣчество!

Другъ! Я не пытаюсь даже рассказать, какъ ужасна теперь жизнь у насъ въ Россіи, въ нашемъ замученномъ Петроградѣ. Довольно словъ уже было сказано другими и новыхъ словъ не найти на человѣческомъ языкѣ!

Но чтобы подвести итогъ этимъ страданіямъ я прибавлю только одно: жертвы умираютъ безъ защиты, а убійцы ходятъ безъ наказанія!

Не страшно умереть, или испытывать тягчайшія страданія, когда чувствуешь за собой руку закона, который рано или поздно учтетъ количество пролитой крови, и не приравняетъ ее къ бутылкѣ водки, которую пьяница пролилъ на мостовую.

Не страшно умереть, когда знаешь, что рано или поздно проснется совѣсть убійцы и осудитъ его. Но невыносимо страдать и страшно умирать, когда преступленіе происходитъ на базарной площади, при свѣтѣ дня, подь равнодушными взорами людей и самаго неба, и умирая знать, что у убійцы нѣтъ совѣсти, что онъ наѣлся до-сыта, весель, богатъ и что подь прикрытіемъ заманчивыхъ фразъ онъ не только избѣжитъ наказанія, но заслужитъ уваженіе и лесть!

Страшно, когда голодають и умирають дѣти, а сыты убійцы, и Троцкій вливаетъ въ глотку послѣднюю бутылку молока!

Страшно, когда петроградскія кладбища не вмѣщаютъ больше покойниковъ, а убійцамъ открыта дорога не только на Принцевы острова, но и по всему свѣту и, что накраденныя ими богатства дадутъ имъ возможность жить въ теплыхъ краяхъ и въ самыхъ красивыхъ мѣстахъ на всемъ продажномъ земномъ шарѣ!

Другъ! Тотъ, кого я призываю, подойди ко мнѣ, протяни мнѣ руку!

Я обращаюсь къ каждому отдѣльному французу.

Пусть ваши вожди слабы, пусть они ошибаются, но тогда поправьте ихъ ошибки и своей силой укрѣпите и умножьте ихъ силу!

Съ самаго дѣтства я научился любить и уважать тебя. Въ исторіи французской жизни я привыкъ находить великіе примѣры рыцарства и бла-

городства. Отъ тебя я узналъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. У тебя я научился вѣрѣ, съ которой жилъ всю свою жизнь, и которую надѣюсь сохранить до конца моихъ дней.

Я рыдалъ, когда нѣмецкія орды ногами топтали твою прекрасную Францію и я знаю, что ты не можешь посмѣяться надъ льющимися слезами.

И тебя, англичанинъ, молю я о нашемъ спасеніи!

Это ты, на твоемъ языкѣ, сотворилъ призывъ, который сталъ закономъ морей, призывъ, который, заставляетъ всякое судно поворачивать въ сторону тонущаго корабля. Въ твоихъ ушахъ мой призывъ не прозвонитъ напрасно!

Когда Германія громко пѣла свой ненавистный тебѣ гимнъ, въ немъ звучалъ уже страхъ и предчувствіе неизбежнаго пораженія, какъ, если бы она знала заранѣе, что ты человекъ, чье слово законъ и чье обѣщаніе равно совершившемуся факту.

Сыграй же свою роль Человѣка, подойди ко мнѣ! Протяни мнѣ руку, ибо гибнуть человѣческія жизни, ибо мрутъ женщины и дѣти! И тебя, американецъ, зову я! Ты молодъ, богатъ, ты полонъ силъ и энергіи. Ты хочешь, чтобы факель твоей свободы освѣтилъ всю Европу.

Прійди къ намъ! Посмотри на нашу тяжкую долю! Посмотри, какъ измучены наши души и тѣла! Только взгляни, и я знаю прекрасно, что ты крикнешь отъ ужаса и проклянешь обманщиковъ и лгу-

новъ, выдающихъ свою тиранію за страстное желаніе свободы русскаго народа.

И ты, итальянецъ, и ты, шведъ, и ты, индусъ, — всѣ, всѣ, кто услышитъ мой зовъ!

Среди всѣхъ народовъ есть люди сердца, и я зову ихъ каждого въ отдѣльности.

Ибо насталь часъ, когда люди всего свѣта должны сражаться не за землю, не за богатство и власть, но за Человѣка и его побѣду надъ звѣремъ.

Все то, что сейчасъ происходитъ въ Россіи, что началось уже — и продолжится въ Германіи, а оттуда пойдетъ дальше — все это — не революція, — это хаосъ и тьма, вызванные войною изъ черныхъ берлогъ и вооруженные войною для разрушенія міра.

Пусть ваши нерѣшительныя правительства дадутъ только оружіе и деньги, вы же люди, дайте самихъ себя, вашу силу, благородство и храбрость.

Пусть отдыхаютъ усталые, пусть слабосильные грѣются въ своихъ теплыхъ уголкахъ, пусть спитъ, кто можетъ, въ эту страшную ночь, но вы, сильные, вы бодрые, кто имѣетъ храброе сердце, придите на помощь тѣмъ, кто гибнутъ въ Россіи!

Мой послѣдній призывъ обращенъ къ тебѣ, писателю всѣхъ странъ, кто бы ты ни былъ, французъ или американецъ!

Поддержи мою мольбу о гибнущихъ!

Я знаю, что сотни милліоновъ брошены за-границу, чтобы подкупить печать. Я знаю, что тысячи

печатныхъ станковъ фабрикують и распространяють ложь, что тысячи лгуновъ кричатъ, вопятъ и мутятъ воду, населяють міръ чудовищными фантомами и масками, подъ которыми исчезаютъ живыя человѣческія черты.

Самый воздухъ купленъ и отравленъ ложью, а беспроводный телеграфъ при помощи своихъ дьявольскихъ волнъ наполняетъ всѣ редакціи фальшивыми новостями, долбитъ въ голову и затемняетъ разумъ.

Но я знаю, что и среди писателей есть люди подобные древнимъ рыцарямъ — храмовникамъ, которые пишутъ не чернилами, а кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ — и къ нимъ я обращаюсь — къ каждому отдѣльно и ко всѣмъ вмѣстѣ.

Спасите насъ! Поймите опасность предъ которой стоитъ человѣчество!

Помогите!

Но скорѣе!..

Придите скорѣе!..

Гельсингфорсъ, Мартъ, 1919.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльную большую социалистич. газету

“НАРОДНАЯ ГАЗЕТА”

Объединенный органъ социаль-демократовъ и
соц.-революціонеровъ

— Выходить по четвергамъ —

Въ вышедшихъ номерахъ между прочимъ помѣщены статьи, рассказы и фельетоны П. Б. Аксельрода, Максима Горькаго, В. Короленко, Евг. Чирикова, Ив. Бунина, Ив. Шмелева, Н. Телешова, Г. Плеханова, А. Потресова, Ек. Брешковской, Н. Авксентьева, А. Аргунова, В. Зензинова, В. М. Чернова, Льва Дейча, Л. Ортодокса, О. Минера, П. Маслова, Евг. Колосова, Вл. Лебедева, К. Оберучева, М. Ерошкина, Арк. Аверченко, Ал. Яблоновскаго и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 1 д. 50 с., на 6 мѣс. 75 с., на 3 мѣс. 40 с. Отдѣльные номера 3 сента. Въ Канадѣ и за границей на годъ 2 долл., на 6 мѣс. 1 долл., на 3 мѣс. 60 сентовъ.

— Продается на всѣхъ стендахъ. —

“NARODNAYA GAZETA”

133 Second Avenue,

New York City

LIBRARY OF CONGRESS

0 019 954 112 2

